

Сунь Сяоли

Итоги развития русского «нового реализма»: взгляд из Китая

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_334

薛冉冉. 当代俄罗斯新现实主义小说研究. 杭州: 浙江大学出版社, 2021. 125 页.

Сюэ Жаньжань. Исследование современной русской новой реалистической прозы.

Ханчжоу: Изд-во Чжэцзянского университета, 2021. — 125 с.

В начале 1990-х годов российское общество переживало значительные трансформации, и литература этого периода характеризовалась многообразием направлений развития. Реализм переживал упадок, в то время как постмодернизм набирал популярность. Однако с наступлением нового тысячелетия, по мере того как общество постепенно входило в период стабильности, новизна постмодернистской литературы начала утрачивать свою привлекательность, вновь усилился интерес к реализму. В 2001 году в «Новом мире» (№ 12) С. Шаргунов опубликовал статью «Отрицание траура», которая стала своеобразным программным манифестом «нового реализма». Представителями этого литературного течения также стали такие молодые писатели, как Р. Сенчин и З. Прилепин, активно воплощавшие в жизнь идеи «нового реализма».

Еще в 1990-е годы, когда русские литературные критики обсуждали феномен постмодернизма, уже появлялись критики, обращавшие внимание на сложные отношения между реализмом и постмодернизмом. Так, К. Степанян отмечал, что реализм обладает мощной жизненной силой, а постмодернизм будет проникать в поэтические традиции реализма. С. Казначеев, в свою очередь, утверждал, что реализм обладает способностью к возрождению. В 1993 году П. Басинский впервые использовал термин «новый реализм» для описания новых литературных тенденций. В 2007 году материалы на эту тему были систематизированы и опубликованы в книге «Новый реализм: за и против»¹, что позволило углубить понимание нового реализма в литературе. Однако, несмотря на наличие ряда значимых диссертаций, посвященных анализу данного направления (например, «“Новый реализм” в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова» Е.М. Ротай и «Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века» А.А. Серовой), изучение этого феномена в России ведется не очень интенсивно. Что же касается китайского литературоведения, то исследования русского «нового реализма» носят здесь достаточно спорадический характер, чаще всего сосредотачиваясь на описании отдельных представителей направления или анализе отдельных произведений (см., например, работы «Молодой представитель нового реализма С.А. Шаргунов» Чжан Цзе (2004), «“Новый Горький родился” — молодые звезды русской литературы: Е.Н. (Захар) Прилепин и его роман “Саньки”» Ван Цзунху (2008)).

1 Новый реализм — за и против: материалы писательских конференций и дискуссии последних лет. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2007.

В то же время в последние годы наблюдается рост числа диссертаций по данной проблематике².

Автор рецензируемой монографии рассматривает реализм как первичную художественную модель конструирования мира. «Новый реализм», обновляя реалистическую традицию, предстает, по мнению Сюэ Жаньжань, проявлением авторефлексии реализма в современной русской литературе. Сочетая синхронный и диахронный подходы, автор исследует органическую структуру и конкретные формы «нового реализма» в России.

Книга состоит из пяти глав, в которых анализируются общие черты нового реализма, его важнейшие идейно-художественные особенности (тематика, структура персонажей, этические проблемы и др.). Первая глава очерчивает общий контур этого литературного направления в контексте современной русской литературы, рассматривая фон возникновения и развития «нового реализма» в России, разнообразные сложные контексты и ситуации, с которыми сталкивалось это направление в условиях активного изменения литературной карты. Как показывает автор, «новый реализм», опираясь на различные литературные традиции, включая постмодернизм, отвечает на вызовы реальности. В первом разделе главы рассматривается столкновение дискурсов «нового реализма» и постмодернизма (С. Шаргунов в «Отрицании траура» представлял «новый реализм» как инструмент нравственно-художественного сопротивления постмодернизму). С начала 1990-х годов постмодернизм (представленный такими произведениями, как «Пушкинский дом» А.Г. Битова), прочно вошел в русскую литературу и, пользуясь упадком традиционного реализма, быстро занял в ней доминирующие позиции. Реализм был, казалось бы, вытеснен на периферию литературы, но он пережил трансформацию, произошел процесс его восстановления и возрождения. Можно наметить два этапа в развитии нового реализма. Первый относится к 1980–1990-м годам, его представители — А. Варламов, О. Павлов, А. Уткин и другие, второй связан уже с первым десятилетием XXI столетия, наиболее видные фигуры его — Р. Сенчин, С. Шаргунов, З. Прилепин, И. Кочергин, Г. Садулаев.

Во втором разделе главы рассматриваются стратегии, которые разработали создатели литературы «нового реализма» в ответ на упадок литературоцентризма. Если в дореволюционное и советское время литература занимала важное место в общественном сознании, а писатель воспринимался как авторитетная фигура, то с начала 1990-х годов литература, несмотря на, казалось бы, расширение эстетических возможностей, столкнулась с проблемой утраты социальной и психологической значимости, снижением авторитета писателя и трансформацией читательских ожиданий. Претерпела изменения цепочка «писатель — издатель — критик»: читательская аудитория сузилась, а чтение стало более поверхностным, литературная критика упростилась и сегментировалась. Книжный рынок стал более конкурентным, журналы начали бороться за выживание. В ответ на эти вызовы создатели «нового реализма» стали объединяться для составления манифестов и участия в дебатах, редактируя совместные сборники и составляя к ним предисловия, приглашая читателей участвовать в творческом процессе, вырабатывать новые формы описания действительности. Примером успешного коллективного проекта является «Редакция Елены Шубиной» в издательстве «АСТ», которое помогло сплотить читательскую аудиторию, обеспечив поддержку развитию нового реализма в условиях сложной ситуации.

2 См., например: *Цуй Сюэчжэнь*. О судьбе человека в исторической трагедии. Исследование идейного содержания нового романа Захара Прилепина «Обитель». Пекин, 2016; *Хань Тинтин*. О теме и художественных особенностях романа Романа Сенчина «Елтышевы». Нанкин, 2017 и др.

Вторая глава в основном посвящена исследованию двух важных аспектов поэтики «нового реализма» — времени и пространства. Первый раздел в основном сфокусирован на временной составляющей, показывая, как авторы работают с отношением прошлого и настоящего. Сюэ Жаньжань считает, что «новый реализм» стремится к «воссозданию упорядоченности времени рассказа и причинно-следственных связей, что способствует восстановлению логической связи между прошлым и настоящим» (с. 40). Писатели, создавая повествования о современности, часто обращаются к прошлому, при этом «активно заполняя исторические пробелы». Например, в романе З. Прилепина «Санькя» прошлое и настоящее связываются через диалоги персонажей, показывая процесс исчезновения «русскости» на фоне исторических изменений, а также представляя столкновение различных точек зрения на ход истории.

В романе О. Славниковой «2017» в роли знакового исторического события, от которого ведется отсчет, предстает Октябрьская революция. Изображение спенсествия реконструкторов в белогвардейской и красноармейской форме помогает осознать, как «историческая игра» влияет на «игру жизни» отдельных индивидуумов. Писательница исследует изменения, произошедшие через сто лет после октября 1917-го.

Историческая тема возникает и у других авторов. А. Филиппенко, изображая в романе «Красный Крест» историю пожилой женщины, которая ждет документы о смерти мужа, а также судьбу солдат Второй мировой войны, рефлексировать над судьбой простого человека в историческом процессе. Автор книги «Памяти памяти. Романс» М. Степанова, используя в качестве отправной точки семейную историю, также повествует о жизни обычной семьи в бурном потоке истории. От первоначального восприятия «банальности» семейной жизни она постепенно приходит к осознанию того, что именно эта простота позволила семье пережить бурю перемен, что отражает переоценку значимости обыденной жизни.

Разнообразие писательских подходов отражает, по мнению Сюэ Жаньжань, стремление представителей нового реализма к глубокой проработке и независимому исследованию исторических вопросов. В целом писатели-«неореалисты» в своих произведениях сохраняют на временной оси определенную дистанцию от исторического прошлого. Опираясь на настоящее, они обнаруживают многослойность и сложность времени. Глубина изображения временного измерения придает произведениям этих авторов особую значимость и силу.

Второй раздел главы в целом посвящен исследованию пространственного измерения в романах нового реализма, отдельно освещая топосы города и деревни. Проанализировав эволюцию изображения городского и сельского пространства в русской литературе от классики до современных произведений, Сюэ Жаньжань переходит к освещению особенностей построения пространства в произведениях нового реализма: происходящие социальные трансформации усиливают у человека чувства нестабильности, тревоги, отсутствия безопасности, порой оборачиваясь потерей идентичности, порождают ощущение бесприютности. Деревня уже утратила былое очарование, и герои часто терпят неудачи, пытаясь найти в ней убежище, им приходится снова покидать сельскую местность. Но и город становится для них лишь местом для учебы и работы. В романе Р. Сенчина «Елтышевы» городское пространство представляется явно враждебным для этой семьи. После того как Николай теряет свою должность и жилье, город сразу же оказывается чуждым. Однако и переехав в деревню, герои сталкиваются с многочисленными трудностями. Неудача в строительстве дома ярко иллюстрирует жестокую реальность сельского пространства и его воздействие на городскую семью. В рассказе «Один год в раю» Н. Ключаревой главный герой приезжает в опустошенную деревню на

День Победы. Несмотря на символическое изображение деревенского пространства, рассказ подчеркивает упадок и деградацию деревни, что знаменует как ностальгию человека по прошлой деревне, так и его бессилие перед нынешней деревенской реальностью.

Третья глава книги сосредоточена на анализе системы персонажей в романах «нового реализма». В первом разделе анализируется эволюция образа женщины в произведениях «нового реализма», рассматривается влияние традиционного и постмодернистского контекстов на его формирование. По мнению автора, построение женских образов в произведениях «нового реализма» не избежало влияния постмодернизма, в рамках которого женщина перестала быть воплощением красоты и верности. Писатели сосредотачиваются на создании характерных образов женщин нового времени.

Женские персонажи демонстрируют разнообразие типов и ярких характеристик. Таков, к примеру, тип женщины среднего возраста, как бы воплощающий повседневные проблемы. В романе «Елтышевы» Валентина, чья жизнь разрушена семейными несчастьями, превращается на глазах мужа из красивой девушки в полную старуху, а тяжелая сельская жизнь усугубляет ее страдания, что в итоге приводит героиню к алкоголизму. Однако этот образ ярко иллюстрирует стойкость женского характера, который не сдается и несет тяжелое бремя жизненных трудностей, несмотря на все невзгоды. В романе «Санька» мать Саньки, несмотря на осознание социальной несправедливости, оказывается бессильной изменить ситуацию, что рождает ощущение беспомощности.

С другой стороны, в «новом реализме» возникает тема женщин, находящихся вдали от Родины, восходящая к «Асе» Тургенева. В романе С. Волковой «Слеза Елены» героиня, проживающая в Нью-Йорке, хранит горячую привязанность к большому городу и упорно стремится к реализации своей мечты о карьере на сцене. Ее образ не только воплощает стремление женщины-эмигрантки к своей мечте, но и отражает беспомощность перед реальностью. Пусть к цели оказывается тернист, мучителен и подчас трагичен.

Встречается у «новых реалистов» и образ женщины-лидера. В романе О. Славниковой «2017» Тамара, успешная бизнесвумен, благодаря своей острой коммерческой интуиции предсказывает кризис международного рынка, демонстрируя все достоинства квалифицированного менеджера. Работая в сфере похоронных услуг, она стремится изменить отношение людей к смерти. Вместе с этим она продолжает поддерживать своего бывшего мужа, но ее забота всегда сопровождается сильным чувством власти. Хотя методы Тамары иногда кажутся несвоевременными или даже жестокими, этот образ глубоко отражает современную реальность, когда женщина начинает играть доминирующую роль, а мужчина лишен права голоса, а также заставляет задуматься о последствиях отчуждения человека в индустриальном и потребительском обществе.

Во втором разделе главы Сюэ Жаньжань, охарактеризовав традицию изображения мужских характеров в русской литературе классической и советской эпох, сосредотачивается на исследовании образа молодого человека в романах нового реализма в контексте изменений эпохи, раскрывая философско-культурные подтексты, содержащиеся в этих образах. Они не только несут в себе индивидуальное начало, но и становятся яркими символами эпохи перемен и социальных противоречий, отражая как богатый культурно-исторический опыт, так и размышления писателей о человеческой природе. Важную роль приобретает мотив поиска героями истины, столь важный для советской «молодежной прозы», например романа В. Аксенова «Звездный билет». Так, Саня из романа А. Варламова «Лох» напоминает аксеновского Димку, соединяя в себе молодежное бунтарство и наивность. Ро-

дившись в семье интеллигентов, герой испытывает отвращение к школьному обучению и в конечном счете терпит неудачу на вступительных экзаменах в вуз. Он находит друзей среди тех, кто тоже не поступил, и вместе они начинают свой уникальный путь взросления. В отличие от Димки, развитие Сани происходит более сдержанно и скрытно. Юноша не вступает в открытые конфликты с «отцами», но сталкивается с тяжелым давлением как со стороны семьи, так и со стороны социальной реальности, в итоге выбирая жизнь бродяги. Переживания Сани ярко иллюстрируют беспомощность и растерянность молодежи в условиях стремительных социальных изменений, отказывающейся от своих желаний и чувств, подчас порывающей с социумом. Однако дело не только во влиянии общества на молодое поколение: возможно, именно сам человек является причиной своих страданий и неспособности реализовать свои ценности.

В четвертой главе подробно рассматривается значение этических проблем в произведениях русского «нового реализма». Сюэ Жаньжань исследует, как через изображение семейных и социальных отношений передаются нравственно-этические ценности, а также как под воздействием социальной реальности преобразуется сам строй этих ценностных ориентиров. Первый раздел главы сосредоточен на репрезентации в романах «новых реалистов» семейного этического порядка. Следуя традиции, «новый реализм» часто использует описание повседневных семейных сцен для нравственно-философских размышлений.

В «Золотом кольце» И. Кочергина отец, постоянно занятый работой, постепенно осознает важность своей семьи. Его привязанность к семье символизирует незыблемость этического порядка, заставляя читателя глубже осмысливать сущность и ценность семейной этики. В рассказе А. Матвеева «Реализм» молодой человек своеобразно воспринимает смерть отчима, жестокость и алкоголизм которого, как злокачественная опухоль, разрушал семейные связи. Герой-рассказчик не может простить отчима, такая холодность и безразличие отражают кризис семейных этических принципов.

Представители нового реализма показывают и изменения семейных отношений в процессе исторического развития России XX–XXI веков. В советское время семейные отношения были основаны на доминантной роли родителей. В рассказе И. Полянской «Утюжок и мороженое» отец строго запрещает дочери играть, порой вспыхивая по малейшему поводу, что ярко демонстрирует его сильное желание власти. В рассказе этой же писательницы «Условность» мать до своей болезни властно управляла развитием семейной жизни, дочери под ее контролем даже не осмеливались возражать. Однако повествователь подвергает родительский авторитет сомнению, начиная подрывать его. Эта позиция, по мнению Сюэ Жаньжань, отражает эволюцию семейных отношений в контексте исторических преобразований. С закатом советской эпохи привычные семейные отношения неизбежно оказываются под воздействием социально-исторических изменений. Тщательное изображение семейных противоречий и борьбы дает читателю ощутить серьезные вызовы, с которыми сталкивается семейная этика, а поднимаемые нравственные вопросы не имеют однозначного решения. В том же рассказе «Утюжок и мороженое» рассказчик, хотя и имеет неприятный опыт детства, все равно тоскует по семье, в совокупности эти различные чувства ярко отражают сложность семейных отношений.

Во втором разделе четвертой главы автор, продолжая исследовать этические аспекты, анализирует проблему поведения человека в обществе, где размыты социальные нормы. Еще произведения 1980-х годов («Пожар» В. Распутина, «Плаха» Ч. Айтматова, «Печальный детектив» В. Астафьева и др.) диагностировали различные социальные болезни, оказав непосредственное влияние на «новых реалистов». В романе Р. Сенчина «Елтышевы» полицейский Елтышев сложно переживает те

трудности, с которыми сталкивается его профессия в контексте социальных изменений. Он проходит путь от надежд к полному разочарованию и бунту, словно действуя в этическом хаосе. В романе О. Славниковой «Прыжок в длину» ставится под сомнение возможность «героического спасителя», творящего добро ради других. Попытки героя Олега спасти Евгению демонстрируют определенный социально-этический парадокс: добрые поступки приводят лишь к нарушению моральных норм. В романе Е. Водозазкина «Авиатор» Платонов, переживший многочисленные жизненные испытания, пытается заставить людей переоценить моральные категории добра и зла, взывая к личной ответственности. Писатель использует технику смещения временных пластов, восстанавливая непрерывность исторической памяти.

Этический выбор героя в произведениях «нового реализма», как показывает Сюэ Жаньжань, тесно связан для него с вопросом о выживании, его можно рассматривать как способ решения бытийных проблем. Одновременно современные писатели, продолжая традиции русского критического реализма, воспринимают литературу как своего рода экспериментальную площадку, обладающую жизнестроительным потенциалом и способную воздействовать на общественное сознание.

Пятая глава книги фокусируется на художественных особенностях нового реализма, демонстрируя уникальность рассматриваемого направления в аспекте творческой техники и структуры повествования. Сюэ Жаньжань сосредотачивается на двух ключевых аспектах поэтики: автобиографическом письме и нарративных стратегиях. В первом разделе автор рассматривает автобиографические произведения «новых реалистов». Примечательна повесть С. Шаргунова «Ура!», где главный герой Сергей носит имя автора, имеет схожий возраст, а главное, близок ему психологически: недовольство персонажа реальностью и сильное стремление изменить мир можно трактовать как прямую авторскую интенцию. Сам хронотоп автобиографических текстов подчас словно совпадает с пространственно-временными координатами личной жизни авторов. В то же время, в соответствии с русской литературной традицией, писатели-«неореалисты» выходят за непосредственные рамки личной жизни героев и затрагивают широкие социальные, исторические и культурные темы, осмысляя жизненный опыт своего поколения, изображая сложные реалии, в которых оно формировалось. В этом плане показательна творческая эволюция С. Шаргунова, фиксирующая постепенно расширение проблематики. Если «Ура!» передает в большей степени субъективное писательское восприятие жизни, то в «Книге без фотографий» личный опыт неразрывно связан с широким социальным контекстом, отражая тесную связь между индивидуальным и коллективным. В романе «Свои» взгляд прозаика переносится на сверстников, на изображение социальной реальности как таковой и, как представляется Сюэ Жаньжань, тоже несет в себе определенный жизнетворческий потенциал: автор ставит своей задачей пробудить в людях надежду на лучшее.

Второй раздел в основном фокусируется на разнообразных нарративных моделях в «новом реализме», исследуя различные формы их организации, а также способы нарративной коммуникации. Опираясь на исследования С. Чатмана³, Дж. Фелана⁴, Тань Цзюньцяна⁵, Сюэ Жаньжань выявляет в произведениях нового реализма

3 Chatman S. B. *Coming to Terms: The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film*. Ithaca: Cornell University Press, 1990.

4 Phelan J. *Narrative as Rhetoric: Techniques, Audiences, Ethics, Ideology*. Columbus: Ohio State University Press, 1996.

5 Тань Цзюньцян. *Исследование нарратологии: множественные перспективы*. Пекин: Изд-во Китайской академии общественных наук, 2018. (На китайском языке.)

сложное переплетение нарративных уровней, что демонстрирует размывание границ традиционных повествовательных моделей русского классического реалистического романа. Авторы свободно контаминируют разные тематические пласты и элементы различных жанровых структур (от мемуаров до эссе и манифестов), строя сюжет по принципу монтажа и создавая полижанровые формы. Например, Е. Чижова в романе «Время женщин» переплетает рассказ от лица бабушки с описаниями повседневной жизни, в повесть И. Кочергина «Сказать до свидания» добавлены элементы кинематографического сюжета, в повести «Небо падших» Ю. Полякова чередуются функции повествователя и персонажа, подобно повествованию в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Такое построение нарратива делает зыбкими границы между вымыслом и реальностью, обогащая поэтику произведений и расширяя границы самой литературы. Писатели обращаются и традиционным жанрам — к примеру, пытаются возродить черты семейной эпопеи, повествования о жизни различных поколений (романы «Время женщин», «Елтышевы» и др.). В итоге нарратив текстов «новых реалистов» строится путем причудливого синтеза традиционно реалистических и постмодернистских элементов, накапливая потенциал для дальнейших повествовательных и жанровых трансформаций.

Подводя итоги, стоит сказать, что монография Сюэ Жаньжань претендует на всесторонний анализ произведений «нового реализма». При этом она достаточно свободно переходит от концептуальных обобщающих суждений к точечным наблюдениям над отдельными текстами, от рассмотрения социально-культурного фона — к микроскопичному анализу нарративных структур. Все главы книги взаимосвязаны, что помогает читателю сосредоточиться на главных вопросах и наиболее сложных моментах. Однако многие произведения, о которых, казалось бы, напрашивается серьезный разговор в рамках обозначенных тем, упоминаются лишь мимоходом, не подвергаясь глубокой интерпретации (таковы, например, сборники прозы «В Питере жить», «Птичий рынок», «Москва: место встречи»⁶). Кроме того, порой недостаточно проработанным оказывается анализ психологической структуры персонажей: так, анализируя сюжет рассказа С.В. Волковой «Слеза Елены», Сюэ Жаньжань мало фокусируется на внутреннем мире героини, не подчеркивает внутреннюю борьбу и сложность морального выбора, сделанного Олегом из «Прыжка в длину» и т.п. В результате представление о проблематике новой реалистической прозы оказывается не совсем полным.

Если заглядывать в будущее, то исследование русского нового реализма по-прежнему имеет широкие перспективы. На наш взгляд, особенно полезным в этом плане может стать применение междисциплинарных методов исследования. Так, использование инструментария современной социологии, психологии и культурологии могло бы способствовать более глубокому проникновению в социально-психологические корни образов героев, а также в сам культурно-исторический код породившей их эпохи. Кроме того, с учетом все более интенсивного международного культурного обмена, стоит задуматься о плодотворности сравнительных исследований русского нового реализма и аналогичных тенденций в литературах других стран⁷.

-
- 6 В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории / Сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М.: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2017; Птичий рынок: люди, львы, орлы и куропатки, пауки, молчаливые рыбы и другие животные в исполнении современных писателей / Сост. Е. Шубина, А. Шлыкова. М.: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2019; Москва: место встречи: городская проза / Сост. Е. Шубина, А. Шлыкова. М.: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2019.
- 7 Рецензия написана при финансовой поддержке фонда фундаментальных исследований для китайских центральных университетов (проект №3252052509B1).